

Горячее лекарство попало в рот, и это ощущение невозможно было описать словами. В тот миг Му Яньсюнь не чувствовал ничего, кроме острой, обжигающей боли, но он знал, что этот отвар лишит его голоса. Поэтому, даже когда его начало трясти от жара, он не проглотил ни капли.

Юань Ци наблюдал, как снадобье стекает по подбородку Му Яньсюня на грудь, пропитывая одежду и делая её почти прозрачной.

Вся чаша вылилась без остатка, испачкав руки самого Юань Ци. Он отшвырнул пустую посуду в сторону — раздался звонкий треск, и чаша разлетелась вдребезги. Юань Ци поднялся и с высоты своего роста посмотрел на Му Яньсюня.

— Та стрела, которой ты хотел лишить меня жизни, уничтожила и те чувства, что я питал к тебе семь лет. Ты можешь не покоряться, можешь не подчиняться, но я не верю, что твоя натура настолько тверда. Су Жуаньань, прикажи убрать отопление в этой боковой зале. Не давать ему ни тёплой одежды, ни одеял, и никаких лекарей. Поставь здесь стражу. Посмотрим, сколько он продержится.

Сказав это, Юань Ци несколько раз глухо кашлянул, взмахнул рукавами и развернулся, чтобы уйти. Его собственные раны ещё не затянулись, а без верхней одежды он теперь чувствовал лишь пронизывающий холод.

Когда Юань Ци скрылся, Су Жуаньань с тяжёлым вздохом покачал головой. Он подошёл, помог Му Яньсюню подняться и вытер платком из своего рукава лекарство, стекавшее по его телу.

Су Жуаньань видел, как Юань Ци шаг за шагом погружался в чувства к Му Яньсюню. Семь лет бескорыстной отдачи не принесли плодов, а любому мужчине важно сохранить лицо. Теперь, когда Му Яньсюнь при всех ранил императора, неудивительно, что нрав Юань Ци стал таким свирепым.

— Господин Му, неужели вам так трудно хоть немного уступить Императору? Избавьте себя от этих физических страданий. Вы же знаете, он с самого начала хотел лишь одного — чтобы вы склонили голову.

— Он убил брата, узурпировал власть, а ко мне относится хуже, чем к животному. Почему я должен униженно молить его о чём-то? Пусть я всего лишь музыкант, но я человек. Я не домашний питомец, которого можно позвать, когда вздумается, и прогнать, когда надоест.

Му Яньсюнь пытался выразить свои чувства, но обожжённый язык отзывался невыносимой болью на каждое слово.

— Император ещё не применил к вам настоящих мер. Если он захочет, вы узнаете, что такое жизнь хуже смерти. Я сказал всё, что мог, дальше решайте сами.

Как бы велик ни был Су Жуаньань, он оставался лишь рабом. Он хотел по-доброму вразумить Му Яньсюня, но тот, похоже, не оценил его участия. Выйдя из боковой залы, Су Жуаньань жестом подозвал своего ученика Хайсиня.

— Воля Императора: отключить отопление в боковой зале, никому не прислуживать.

— Слушаюсь, учитель, сейчас же исполню.

Тяжёлые двери боковой залы плотно закрылись. День клонился к закату, в комнате не зажгли свечей, и сгустившаяся тьма вызывала лишь отвращение.

Измученный болью от ран, Му Яньсюнь ненадолго забылся сном, но это место не дарило чувства безопасности, и он вскоре проснулся.

Отопление в зале явно отключили. Снаружи стояли лютые морозы, и ледяной воздух просачивался сквозь бумажные окна. Му Яньсюнь плотнее закутался в одеяло и, воспользовавшись остатками дневного света, босиком подошёл к тому месту, где Юань Ци разбил чашу.

Он протянул руку и коснулся осколка. Тот оказался острым, и на пальце тут же выступила капля крови.

Глядя на неё, Му Яньсюнь, казалось, что-то осознал. Он взял тот самый осколок, которым порезался, протянул другую руку и, ни секунды не колеблясь, полоснул по коже.

<http://bllate.org/book/18647/1796946>